

II. Патриарх Иоасаф II и деяния Большого Собора при участии патриарха Иоасафа, изложенные в книге соборных деяний

По низложению Никона естественно было подумать об избрании нового патриарха на Московский патриарший престол, который столько уже времени оставался незанятым. Но обстоятельства заставили несколько замедлить этим делом. Наступали великие церковные праздники, в которых должны были участвовать и патриархи и прочее духовенство. Первый из таких праздников, особенно уважавшийся в Москве, был 21 декабря, на память великого святителя Московского Петра. Оба патриарха служили всенощную и литургию в Успенском соборе вместе со многими русскими архиереями, и во время литургии Евангелие читано было на двух языках, греческом и славянском. Пред началом священнослужения патриархи приказали было, чтобы никто из русских епископов не носил на своей митре креста, но некоторые не послушались, и епископы Лазарь Баранович и Мефодий, прибывшие из Киевской митрополии, объявили, что они имеют эту привилегию от Константинопольского патриарха. На праздник Рождества Христова также служили в Успенском соборе оба патриарха, и Евангелие за литургией читалось на трех языках, греческом, арабском и славянском. В день Обрезания Господня, 1 января 1667 г., патриархи служили с двумя митрополитами в дворцовой церкви Нерукотворенного Образа, и Евангелие читалось по-гречески и по-славянски. На Крещение Господне патриархи дважды совершали водосвятие: под праздник после вечерни в Успенском соборе и на самый праздник пред литургией на реке Москве - и потом совершили в соборе и самую литургию. Все эти патриаршие служения чрезвычайно занимали жителей Москвы и увеличивали для них радость праздников.

Когда праздники миновали, патриархи снова принялись за дело, для которого были призваны. Января 14-го числа по их назначению все архиереи собрались в патриаршем дворце для подписания акта о низложении Никона.

Но едва был прочитан доклад, как, к общему изумлению, два архиерея, Крутицкий митрополит Павел, блюститель патриаршества, и Рязанский митрополит Иларион, те самые, которые во время суда более всех действовали против Никона, объявили, что не подпишут приговора об его низложении, а их примеру последовали и некоторые другие русские архиереи. Поводом к этому, как свидетельствует Паисий Лигарид, послужили некоторые неточные и неправильно понятые выражения в докладе, заимствованные из известного свитка четырех Восточных патриархов, на основании которого происходил суд над Никоном. В докладе помещено было именно следующее место из второй главы свитка, по славянскому переводу: "От сих познается, единого царя государя быти владычествующа всея вещи благоугодная, патриарха же

послушлива ему быти, яко существу в вящем достоинстве и местнику Божию". Русские архиереи поняли, что здесь несправедливо унижена патриаршая власть пред царскою, что если царь один есть верховный владыка во всякой вещи благоугодной, а патриарх должен быть ему послушлив, то последний должен подчиняться царю и во всех вещах, или делах, духовных и церковных, что чрез это отнимается всякая самостоятельность у Русской Церкви и ее правительства и Церковь совершенно порабощается государству, а потому отказывались подписаться под актом о низложении Никона, пока не будет исправлено в патриаршем свитке неправильное учение об отношениях царской и патриаршей власти. Высказав свою мысль, Павел Крутицкий и Иларион Рязанский тотчас же вышли из собрания, а прочие архиереи хотя и подписали акт, но не могли изгладить тем общего смущения, происшедшего на Соборе, и особенно того огорчения, какое почувствовали патриархи. Царь также был огорчен и встревожен. Закрывая заседание, патриархи сказали, чтобы все архиереи у себя на дому внимательно обсудили вторую главу патриаршего свитка и чрез два дня представили о ней свои краткие письменные отзывы. Чрез два дня архиереи снова собрались в патриарший дворец, и принесли каждый свои записки, и представили патриархам, одни о превосходстве епископской власти вообще, а не патриаршей только, а другие о превосходстве царской власти велено было читать и обсуждать сперва записки первого рода. Читаны были выписки из общеизвестной книги святого Иоанна Златоуста о священстве, в которых он такими яркими чертами изображает высоту священства, его неземную власть вязать и решить, низводить на верующих Святого Духа, возрождать их, примирять с Богом, и пр. (см. Слово 3. О священстве). Читались потом отрывки из других святых отцов: Епифания, Григория Богослова, Григория Двоеслова. Русские архиереи останавливали чтение и указывали, как ясно в том или другом месте выставлялось превосходство епископского сана по отношению к мирской власти. Паисий Лигарид постоянно являлся истолкователем всего прочитанного, давал ответы русским архиереям, старался всячески умалять значение указываемых ими мест и с этою целью пускался в продолжительные и утомительные разглагольствования. День совсем уже склонился к вечеру, почему патриархи объявили, что вопрос о царском служении отлагается до завтра, и, преподав всем благословение, закрыли заседание. На следующий день, когда епископы по-прежнему собрались в патриаршей палате, Паисий Лигарид после объяснения одного места из святого Епифания, которое объяснить обещался в предшествовавшем заседании, выступил жарким защитником царской власти сравнительно с епископскою и произнес обширную речь. Он говорил о происхождении царской власти у иудеев, о ее высоте, широте, неограниченности у всех народов, обращался и к иудейской истории, и к истории египтян, греков, римлян, приводил не только священных, но и языческих писателей, особенно восхвалял царя Алексея Михайловича, его победы, его заботливость о Церкви, приглашал всех молиться о нем, не раз оканчивал свою речь и снова начинал и продолжал. Никто ему не возражал, а однажды будто бы все, как сам свидетельствует, рукоплескали ему после пламенных его слов о царе Алексее Михайловиче. По окончании заседания, в наступившую ночь архиереи Павел Крутицкий и Иларион Рязанский, не

участвовавшие в двух последних заседаниях Собора, тайно подали патриархам свою просьбу - походатайствовать за них пред государем о прощении за высказанную ими смелость и противление. В этой просьбе они писали, как высоко, по Златоусту, епископское звание и как часто оно унижается пред царскою и вообще мирскою властью, и, между прочим, говорили патриархам: "Вы находитесь под властью неверных агарян и если страдаете, то за ваше терпение и скорби да воздаст вам Господь. А мы, которых вы считаете счастливыми, как живущих в православном царстве, мы трикратно злополучны; мы терпим в своих епархиях всякого рода притеснения и несправедливости от бояр и хотя большею частию стараемся скрывать и терпеливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло с течением времени может увеличиваться и возрастать, особенно если будет утверждено за постоянное правило, что государство выше Церкви. Мы вполне доверяем нашему доброму и благочестивейшему царю Алексею Михайловичу, но мы опасаемся за будущее..." Патриархи немедленно позвали к себе Паисия Лигарида, и он, прочитав просьбу двух архиереев, будто бы тут же ночью сказал пред патриархами в защиту царской власти новую длинную и витиеватую речь, если только не сочинил ее после, что представляется более вероятным. На следующий день архиереи опять собрались в патриаршем дворце, прочитано было еще несколько свидетельств о царской и патриаршей власти, выслушаны были новые пространные разглагольствования Паисия и новые похвалы царю Алексею Михайловичу. И наконец, когда на вопрос Паисия: "Желаете ли выслушать еще другие свидетельства?" - все единогласно ответили: "Сказанного даже более, чем достаточно", патриархи сказали: "Пусть будет заключением и результатом всего нашего спора мысль, что царь имеет преимущество в *политических* делах, а патриарх в *церковных*". Все рукоплескали и зывали: "Многая лета нашему победоносному государю, многая лета и вам, святейшие патриархи!"

Услышав о всем этом, Павел Крутицкий и Иларион Рязанский смирились и подписали соборный акт о низложении Никона; первый подписался на своем месте между митрополитами, а последний - ниже всех, даже епископов, и оба в своих подписях выразились: "На извержение Никоново, по священным правилам бывшее (содеявшееся), подписал", чего в других подписях не встречаем. Всего же архиереев, русских и иноземных, под этим актом подписалось 23: два патриарха, десять митрополитов, семь архиепископов и четыре епископа. И нельзя не обратить внимания на то, что в числе подписавшихся находился и митрополит Иконийский Афанасий. Прежде, как мы видели, он постоянно и с жаром стоял за Никона и вел с ним переписку из Симонова монастыря, где проживал под началом, а теперь этот самый Афанасий присутствовал на всех заседаниях соборного суда над Никоном и подписал обвинительный на него приговор. Но хотя Крутицкий и Рязанский подписали, наконец, приговор над Никоном, они этим не отвратили от себя гнева патриархов. Вечером 24 января все архиереи собрались в кельях Александрийского патриарха Паисия (он как-то упал и повредил себе ногу, отчего не мог выходить из своих комнат) и на вопрос патриархов: "Чему подлежат оказавшие прямое неуважение двум патриархам и противление всему

Собору?" - отвечали: "Церковному наказанию". Тотчас же позваны были в собрание виновные архиереи и, вошедши, хотели по обычаю облобызать руки у патриархов, но патриархи не дали им своего благословения и рук, а грозно спросили: "Почему это вы, казавшиеся прежде более других разумными, ревностными и как бы столбами Собора, вдруг сделались такими непокорными?" Спрошенные стали извиняться и в оправдание свое, между прочим, сказали, что введены были в заблуждение ошибочным переводом Паисия Лигарида. Паисий перевел свиток четырех патриархов с греческого на латинский язык, а с латинского на славянский перевел кто-то неизвестный. И место во второй главе свитка, послужившее камнем соблазна, действительно переведено было ошибочно. Оно гласило в славянском переводе, что царь один есть властитель "всей вещи благоугодная", патриарх же должен быть ему послушен; между тем как в греческом тексте говорилось, что царь один есть владыка "во всяком деле политическом" *παντός πολιτικῶν πράγματος*, а патриарх должен быть ему подчинен... и отнюдь не должен ни хотеть, ни делать "в политических делах" ничего такого, что было бы противно воле царской. Оправдание это, впрочем, едва ли могло иметь силу: трудно поверить, чтобы в продолжение всего спора никто не объяснил архиереям, что смущавшее их место в свитке переведено неправильно и в подлиннике имеет другой смысл. И патриархи действительно не обратили на это оправдание никакого внимания, а сделали обоим сопротивлявшимся владыкам пред всем Собором весьма строгий выговор и сказали: "Ступайте и на некоторое время не совершайте никакой Божественной службы". Вместе с запрещением священнослужения Павел, митрополит Крутицкий, бывший блюстителем патриаршего престола, подвергся и другой каре: отрешен от этой должности, и она поручена Сербскому митрополиту Феодосию. Такое сильное и неожиданное наказание поразило всех архиереев, тем более что оно не могло быть названо и справедливым. Когда обвиненные архиереи вышли, патриархи объявили оставшимся, что скоро имеет быть избрание нового Московского патриарха и чтобы они были к тому готовы.

Утром 31 января, в четверг на всеедной неделе, собрались в Чудов монастырь к патриархам архиереи, архимандриты, игумены и множество прочего клира для избрания патриарха при громадном стечении любопытствовавшего народа. Сначала избрали двенадцать кандидатов, в числе которых трое были епископы, а остальные архимандриты и игумены. Потом из этих двенадцати избрали, "не без ведома" государя, только трех. Составив акт избрания, все архиереи с Антиохийским патриархом во главе (Александрийский по болезни еще не мог выходить) отправились к государю во дворец. Государь вышел к ним со всем своим синклитом и, приняв благословение от патриарха, пригласил его и прочих архиереев сесть, а сам сел на своем золотом троне. Тогда Новгородский митрополит Питирим подал патриарху Макарию бумагу с именами трех избранных кандидатов, а патриарх представил ее царю. Царь приказал думному дьяку Алмазу Иванову прочитать ее во всеуслышание. Избранными оказались: архимандрит Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф, архимандрит Владимирского монастыря Филарет (а по Симеону Полоцкому, архимандрит тихвинского Богородичного монастыря Корнилий) и келарь Чудова монастыря Савва. После долгого совещания с патриархом Макарием

царь указал именно на первого кандидата, и тогда Новгородский митрополит, обратившись к архимандриту Иоасафу, возгласил: "Светлейший государь и священный Собор призывают твою святыню на высочайший престол патриаршества Московского". Иоасаф, дряхлый старец, начал было отказываться, ссылаясь на свои лета и на то, что не имел ни учености, ни способности к церковным делам. Но государь не без слез упрашивал старца покориться воле Божией и сказал ему речь (Лигарид влагает в уста государя даже весьма обширную и витиеватую речь с ссылками на Сократа, Гесиода и других языческих писателей, очевидно сочиненную самим Лигаридом). От государя пошли патриарх Макарий и новоизбранный патриарх вместе со всеми архиереями в Успенский собор, приложились к святым иконам и благословили народ; потом Макарий благословил новоизбранного патриарха и властей, новоизбранный поцеловался по обычаю со всеми архиереями, и все отправились по домам, а новоизбранный - на свое Троицкое подворье, в Богоявленский монастырь.

В следующее воскресенье, 3 февраля, предполагали совершить наречение новоизбранного патриарха, но за продолжавшеюся болезнью Паисия Александрийского это было до времени отложено. А между тем в этот самый день, в который пришла неделя о блудном сыне, состоялось под председательством Макария заседание Собора, на которое позваны были оба запрещенные архиереи, Павел Крутицкий и Иларион Рязанский. Выслушав наставление от Макария, они с раскаянием поверглись пред ним ниц, и он благословил их и изрек им полное прощение и разрешение. Все архиереи были рады, приветствовали их и братски лобызали. На другой день государь посетил патриархов, что делал он нередко, с целью испросить у них благословения, а патриархи во время его посещения пригласили к себе обоих накануне прощенных владык. И государь, сделав им с своей стороны сильный выговор за оказанное сопротивление власти, также простил их и отпустил с миром.

Когда Александрийский патриарх Паисий несколько поправился от своей болезни, то 8 февраля совершенно было в палате у патриархов *наречение* новоизбранного Московского патриарха по Чиновнику; 9 февраля, после вечерни в Успенском соборе совершенно *благовестие* новонареченного по тому же Чиновнику, а 10 февраля, в неделю мясопустную, и самое *посвящение*, или поставление, новонареченного в сан патриарха в Успенском соборе. В этот день по уставу пришлось быть "действию Страшного суда", и действие совершил патриарх Макарий пред литургиею на площади за алтарем Успенского собора в присутствии самого государя. Затем началась литургия, и обычным порядком происходило поставление Иоасафа на патриаршество. Ставили оба патриарха, Паисий и Макарий, с прочими архиереями, но Паисий, еще чувствовавший себя слабым, литургии не служил. По окончании литургии новый патриарх на амвоне посреди церкви говорил благодарственные речи сперва государю, потом патриархам, которые отвечали ему также речами. Патриархи возложили на него блестящую мантию, белый клобук с вышитыми золотом серафимами и драгоценную панагию, подаренные государем, а сам государь вручил своему

новому патриарху пастырский жезл и поцеловал его руку. Стол по обычаю был у государя; новый патриарх вставал из-за стола и с крестом в руках ездил вокруг Кремля, только не на ослиати, а в санях, вероятно, по причине холода. На другой день, в понедельник сырной недели, выслушав литургию в своей домово́й церкви вместе со всеми архиереями, патриарх Иоасаф ездил также на санях вокруг Белого города и давал стол для всех властей в своей крестовой палате. На третий день, 12 февраля, день памяти святителя Алексия, совершал литургию в Чудовом монастыре с патриархом Макарием и другими архиереями и имел вместе со всеми властями стол у государя. На четвертый день ездил с крестом в санях вокруг остальной половины Белого города и давал в своей крестовой палате стол для обоих патриархов и для бояр. Этим и окончились обыкновенные церемонии, сопровождавшие поставление нового патриарха. Москва радовалась и торжествовала, что наконец Господь даровал ей первосвятителя, которого столько времени она не имела.

Патриархи Паисий и Макарий вместе со всеми другими архиереями, участвовавшими в рукоположении Иоасафа, дали ему настольную грамоту, весьма обширную. В первой, исторической, части грамоты патриархи рассказывали: мы пришли в царствующий град Москву в ноябре 1666 г., и причиною тому был Никон. Он в 10-й день июля 1658 г. самовольно оставил свой патриаршеский престол и отрекся патриаршеской власти, возжелав проводить тихое и безмолвное житие в Воскресенском монастыре. И хотя государь чрез своих бояр и окольничих, архиереи, весь освященный Собор и множество народа умоляли его не покидать патриаршего престола, но он отвечал, что не хочет более быть пастырем, а хочет быть пасомым и внимать самому себе. Все это видно из соборного деяния бывшего еще до нашего пришествия в Москву Собора русских архиереев и из собственноручного письма самого Никона, которое он прислал в январе 1665 г. к царю государю и в котором говорил, чтобы царь и священный Собор избирали и поставили себе иного патриарха, кого хотят, и что он, Никон, уже не будет именоваться Московским патриархом. Мы со всеми архиереями, русскими и греческими, много времени обсуждали это соборное деяние и это письмо Никона и, приняв во внимание, что Русская Церковь уже восемь лет и семь месяцев вдовствует без пастыря, признали за благо на основании Божественных правил избрать и действительно избрали, рукоположили и возвели на патриаршеский престол царствующего града Москвы мужа достойного, незлобивого, премудрого и святого, архимандрита Троицкой Сергиевой лавры Иоасафа, призвав его к тому "с великим принуждением". Затем во второй, и последней, части грамоты патриархи призывали Русскую Церковь и всех чад ее к духовной радости, довольно подробно излагали права и обязанности новопоставленного патриарха и, наконец, обязанности по отношению к нему как верховному архипастырю архиереев и всего духовенства, бояр, князей и всех православных христиан.

Едва прошло две недели со времени поставления патриарха Иоасафа и окончилась первая седмица Великого поста, как вновь открылись заседания Большого Московского Собора. Во вторник второй седмицы поста, в день святого Порфирия, епископа Газского, 26 февраля, в кельи патриархов Паисия и

Макария пришел государь с патриархом Московским Иоасафом, со всеми епископами и с знатнейшими из своих бояр и сам предложил Собору несколько вопросов, требовавших его обсуждения и решения. За этим заседанием, на котором еще не было сделано никакого постановления, а епископы только совещались между собою, последовали и другие заседания в марте, апреле, мае, июне и позднее, хотя дни заседаний большею частью остались неизвестными. Где и каким образом происходили заседания, известий также не сохранилось, но зато сохранились самые постановления Собора. Одни из них изложены от лица всего Собора, а другие от лица только двух патриархов, Паисия и Макария, то в виде правил, то в виде ответов на вопросы, то в виде толкований, но приняты всем Собором. Постановления эти сначала писались отдельно одно от другого, на особых свитках и скреплялись подписями отцов Собора, а потом переписаны были вместе, в одной книге под заглавием "Книга соборных деяний", расположены в одиннадцати главах и вновь подписаны отцами Собора. Рассматривать эти постановления по порядку глав в книге представляется неудобным, потому что постановления расположены здесь не в хронологическом порядке, и, тогда как, например, в первой главе помещено постановление 13 мая, в шестой находится постановление 15 марта. Да и расположить ныне эти постановления в хронологическом порядке не представляется возможности, потому что на некоторых совсем не означено ни дня, ни месяца, когда они состоялись, а на других означен только месяц, когда они состоялись или когда были подписаны. Потому мы считаем за лучшее расположить постановления Собора 1667 г., находящиеся в "Книге соборных деяний", по предметам и сначала рассмотреть постановления, относившиеся к бывшему патриарху Никону и послужившие как бы окончанием соборного суда над ним; потом - постановления против русского раскола, послужившие продолжением и окончанием таких же постановлений Собора 1666 г.; наконец, постановления, направленные против разных других нестроений и недостатков Русской Церкви и послужившие к ее благоустройству.

Постановлений первого рода, т. е. относившихся к бывшему патриарху Никону, весьма немного: всего четыре.

Одним из них было осуждено и отменено распоряжение Никона, сделанное еще в конце 1655 г., чтобы в день Богоявления водосвятие совершалось только однажды, в навечерис праздника, а на самый праздник в другой раз отнюдь никем не совершалось под опасением проклятия. Против этого патриархи Паисий и Макарий в своих правилах, предложенных на Соборе, сказали: "Повеление и клятву, которую нерассудно положил Никон, бывший патриарх, о действе освящения воды на св. Богоявление, разрешаем, разрушаем и ни во что вменяем, а повелеваем и благословляем творить по древнему обычаю св. Восточной Церкви и по преданию святых и богоносных отцов в навечерие праздника освящение воды в церквах и после утрени - на реке, как повелевают и все церковные уставы" (гл. 2. Прав. 23).

Другим постановлением Собора осуждено и отменено распоряжение Никона, сделанное в 1656 г., чтобы разбойников и татей, осужденных на смерть,

священники не только не удостоивали святого причастия, но и не допускали к исповеди. Это распоряжение патриарха назвали "еретическим и пребеззаконным" и, приведши правила святых апостолов (52), святых Соборов: Лаодикийского (2), Карфагенского (46 и 55), Никейского (13), Анкирского (76) и святых отцов: Василия Великого (55) и Григория Нисского (5), заключили: "Отныне осужденные на казнь разбойники и тати, которые будут каяться, да исповедаются священниками и да причащаются Св. Христовых Тайн" (гл. 4. Вопрос и ответ 1).

Третье постановление касалось монастырей строения Никонова, их приписных монастырей и вотчин. Настоятели разных монастырей в прежние годы не раз жаловались государю на Никона, что он взял себе их вотчины, соляные варницы, рыбные ловли и всякие угоды на мену и без мены и из чужих епархий некоторые монастыри с вотчинами приписал к монастырям своего строения, Иверскому, Крестному и Воскресенскому, и просили те вотчины возвратить прежним монастырям, а приписные монастыри вновь сделать самостоятельными и оставить каждый в прежней епархии. Государь предложил патриархам и всему Собору рассудить о том по святым правилам и учинить указ. Патриархи со всем Собором, рассмотрев правила святых апостолов 34, Собора Карфагенского 26 и 33, Седьмого Вселенского Собора 12, святого Кирилла Александрийского 2, определили: 1) монаха Никона, как неправильно поступившего, осуждаем. По приведенным святым правилам он не имел права сам, без Собора архиереев, менять вотчины патриаршего дома, Коломенской епископии и разных монастырей, а также приписывать монастыри с вотчинами к монастырям своего строения. И если на все это он выпросил у государя жалованные грамоты, и притом с написанною в них клятвою, то также поступил незаконно, утаив от государя вышеприведенные святыя правила. Почему мы те грамоты вменяем не в грамоты и ту клятву государю прощаем и разрешаем. 2) Монастыри Иверский, Крестный и Воскресенский, которые монах Никон во время своего патриаршества основал и построил без совета всего освященного Собора, неправильно, мы ради прошения великого государя вменяем отныне за монастыри, и утверждаем, и принимаем в чин правильно созданных монастырей. 3) На те вотчины, которые пожаловал государь этим монастырям, благоволит он вновь пожаловать свои грамоты, как ему, государю. Бог известит. 4) Вотчины, которые взял Никон из патриаршего дома, из Коломенской епископии и из разных монастырей на мену и без мены в монастыри своего строения, должны быть возвращены туда, откуда взяты, а купленные Никоном вотчины, которые он отдавал на промен в патриарший дом, должны быть переданы монастырям Никонова строения, какая которому пристойна. 5) Монастырям, которые с их вотчинами Никон приписал из иных епархий к монастырям своего строения, впредь оставаться в прежних епархиях под властью прежних своих архиереев, но вотчинами тех монастырей владеть не архиереям, а самим монастырям. 6) Монастыри строения Никонова должны состоять каждый в той епархии, в которой построены, под властью местных архиереев. 7) Меновые крепости на вотчины, которые по приказу Никона его приказные люди и монастыри его строения променивали на вотчины других монастырей, вменяем не в крепости. В заключение Собор перечислил по

именам все те вотчины, какие должны оставаться за каждым из монастырей строения Никонова, Иверским, Крестным и Воскресенским (гл. 11). Это постановление, как замечено в самом его начале, состоялось в апреле.

Наконец, четвертое постановление вызвано было вопросом: "Как быть тем, кого Никон, находясь в Воскресенском монастыре, посвятил в архимандриты, игумены, попы и дьяконы для монастырей своего строения?" Патриархи дали ответ: "Тем архимандритам, игуменам, попам, дьяконам и всему церковному причту быть в том чине, кто во что посвящен, потому что все те церковники посвящены Никоном прежде извержения его с патриаршества, но впредь по извержении его никому от монаха Никона ни в какой священный чин не посвящаться" (гл. 7. Ответ на вопрос 5). Самому Никону, как мы видели. Собор вменил в вину то, что он, отошедши с своей кафедры в Воскресенский монастырь, священнодействовал там по-архиерейски и посвящал на разные церковные степени, но посвященных тогда Никоном не лишил сана.

Осудил Большой Собор Московский самого патриарха Никона, осудил некоторые его распоряжения и действия, но не осудил важнейшего из его деяний - исправления церковных книг. Напротив, вполне одобрил и утвердил для всеобщего употребления исправленные по его распоряжению и напечатанные книги, а осудил тех, которые не хотели принимать этих книг и из-за них хулили Церковь, называли ее еретическою, отказывались повиноваться ей и чрез то самовольно отделялись от нее. Главное постановление Большого Собора об этом находится в первой главе книги соборных деяний под заглавием "Предел освященного Собора" и состоит из двух частей. В первой части говорят от себя одни только русские святители с архимандритами, игуменами и протопопами, действовавшие на Соборе 1666 г., повторяя дословно то же самое, за небольшими сокращениями, что прежде сказали об этом в своем общем определении, или "Наставлении", которое мы рассматривали в своем месте. Потом повторяют, большею частию также дословно, из того же "Наставления", что они долгое время подробно сличали новоисправленные печатные книги с старыми харатейными славянскими книгами и не нашли в первых ничего поврежденного и противного православной вере, напротив, обрели их во всем согласными с теми харатейными книгами. И наконец, присовокупляют: "Когда же благодатию Божиею по приглашению благочестивейшего государя прибыли в Москву святейшие патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, мы, весь освященный Собор Всероссийский, возрадовались и известили их о всех наших соборных делах. И они, святейшие патриархи, признали наши соборные дела и рассуждения истинными и правыми и своим благословением благословили и утвердили. А когда Господь даровал нам и своего патриарха, святейшего Иоасафа, мы представляли и ему те наши соборные деяния и писания на рассмотрение и утверждение, и он своим архипастырским благословением утвердил, как и патриархи Паисий и Макарий, согласно во всем". Во второй части под особым названием "Изречение" говорят от себя уже все архиереи, составлявшие Большой Собор 1667 г., т. е. все три патриарха с митрополитами, архиепископами и епископами, русскими и греческими, и прочими духовными лицами. Что же говорят? Они повторяют ту

же самую заповедь архимандритам, игуменам, протопопам, поповским старостам, всему духовенству и всем православным христианам, какую изложил в своем "Наставлении" Собор 1666 г. И именно заповедуют и повелевают, чтобы все и во всем, без всякого сомнения и прекословия покорялись святой Восточной апостольской Церкви и, в частности, чтобы принимали новоисправленные и напечатанные при Никоне и после него Служебники, Требники и прочие церковные книги, и по ним правили все церковные службы чинно, немятежно и единогласно, и пели на речь; чтобы Символ веры содержали неизменно без прибавления "истиннаго", аллилуйю говорили трижды и потом "слава Тебе, Боже", крестное знамение на себе творили тремя перстами, молитву Иисусову в церковном пении и общем собрании произносили: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас", а наедине, кто как хочет, и чтобы священники благословляли народ перстосложением именованным. Засвидетельствовав таким образом полное свое согласие и как бы единство с Собором 1666 г., Большой Московский Собор выразил в том же своем "Изречении" уже от себя следующее: "Сие наше соборное повеление и заветное повелеваем всем хранить неизменно и покоряться св. Восточной Церкви. Если же кто не послушает нашего повеления и не покорится св. Восточной Церкви и сему освященному Собору или начнет прекословить и противиться нам, мы такового противника данною нам властью, если будет от священного чина, извергаем и предаем проклятию, а если будет от мирского чина, предаем проклятию и анафеме как еретика и непокорника и от Церкви Божией отсекаем, дондеже уразумится и возвратится в правду покаянием". Очевидно, Большой Собор изрек анафему только на людей, которые не покорялись Церкви и сопротивлялись ей тем, что не хотели принять ее новоисправленные книги и обряды, называя их еретическими, но вовсе не изрекал анафемы или проклятия на самые книги старопечатные и мнимо старые обряды, которых держались эти люди, противники Церкви, да и на них наложил анафему только до тех пор, пока они не образумятся и не покаются. Относительно же излюбленных ими обрядов, которые отнюдь не старые, и утверждены большею частию только в половине XVI в. на Стоглавом Соборе, и потом внесены в старопечатные книги. Большой Собор под конец того же своего "Изречения" высказался так: "Что касается бывшего при царе Иване Васильевиче и Московском митрополите Макарии Собора, написавшего в книге Стоглаве о сложении двух перстов, о сугубой аллилуйе и о прочем нерассудно, простотою и невежеством и положившего клятву (на не крестящихся двумя перстами) без рассуждения и неправедно, то мы, православные патриархи, со всем освященным Собором ту неправедную и безрассудную клятву разрешаем и разрушаем и тот Собор вменяем не в Собор, как бы он и не был, потому что Макарий митрополит и бывшие с ним мудрствовали по своему неведению безрассудно, как хотели, сами собою, не согласясь с древними харатейными книгами, греческими и славянскими, и не посоветовавшись с Вселенскими патриархами. К тому же заповедуем, чтобы писанному в житии преп. Евфросина от сонного мечтания писателя о сугубой аллилуйе никто не верил, ибо все то писание лживое и писано от лживого писателя на прельщение благочестивым людям". Т. е. о мнимо старых обрядах Большой Московский

Собор сказал только, что они несогласны с древними халдейскими, греческими и славянскими, книгами и приняты при митрополите Макарии в Русской Церкви по невежеству, самовольно, без сношения с Восточными патриархами. Изложенное нами постановление свое, или "Предел", отцы Собора утвердили своими подписями и положили в вечное воспоминание в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы в 13-й день мая 1667 г., а для всеобщего сведения и руководства верующим напечатали при Служебнике того же 1667 г.

Собор, впрочем, не ограничился одним этим общим постановлением против раскольников, а в пояснение и как бы оправдание его сделал еще несколько частных постановлений. Так, в третьей главе книги соборных деяний находим "Толкование" патриархов Паисия и Макария, принятое всем Собором, об аллилуйе, о знамени святого креста, о святом Символе и о молитве Иисусовой. Здесь патриархи объясняли, почему надобно троеить, а не двоить аллилуйю с прибавлением "слава Тебе, Боже", и сделали несколько критических замечаний на житие преподобного Евфросина и другие свидетельства, приводимые ревнителями сугубой аллилуйи; объясняли, почему надобно креститься тремя, а не двумя перстами, и сделали замечания против известных свидетельств, приписываемых святому Мелетию и блаженному Феодориту и доказывали, что Символ веры должно читать без прилога "истиннаго", а в молитве Иисусовой при церковном употреблении следует произносить "Боже наш", хотя не запрещали произносить и "Сыне Божий". В десятой главе той же соборной книги изложено "Увещание" от лица всех отцов Собора касательно Стоглавого Собора. Отцы говорили, что, желая принести "во единство и согласие веры и чина Великороссийскую Церковь со святою Восточною Церковию", они имели полное право отменить некоторые погрешности, принятые на Стоглавом Соборе и произведшие несогласие между этими Церквями, и в доказательство привели несколько примеров из Кормчей, как и в древности последующие Соборы исправляли и отменяли постановления предшествовавших, меньших. Соборов. А к тому присовокупили, что постановления Стоглавого Собора сделаны только русскими архиереями и не свидетельствованы ни Вселенским, ни прочими патриархами. В правилах, изложенных во второй главе соборной книги, патриархи Паисий и Макарий вместе со всем Собором: а) заповедали, чтобы крестные ходы вокруг церкви в Великую субботу с плащаницею и при освящении церковей с святыми мощами совершаемы были не по солнцу, как делают раскольники, а против солнца, по обычаю святой Восточной Церкви и согласно с тем, как и обхождение престола при хиротонии дьяконов и священников и каждение вокруг престола совершаются не по солнцу, а против солнца (правило 12); б) запретили верить статье, составленной каким-то раскольников, тайным еретиком армянской веры, и напечатанной в следованной Псалтири и других книгах, о сложении перстов для крестного знамени по обычаю армянскому и повелели совсем исключить эту статью из печатных и рукописных книг (правило 22); в) повелели исправленный при Никоне и напечатанный Служебник, который теперь вновь прилежно был свидетельствован от всего освященного Собора, печатать и впредь и совершать по нем священнодействие без всякого прибавления, отъятия и перемены (правило 24); г) похвалили книгу "Скрижаль", переведенную с

греческого и напечатанную при Никоне (правило 26); д) утвердили своим согласием известное послание Константинопольского патриарха Паисия в ответ на вопросы Никона о некоторых делах церковных (правило 26); е) одобрили книгу "Жезл правления", составленную и напечатанную тогда на обличение попов Никиты, Лазаря и их единомышленников (правило 27). Наконец, патриархи Паисий и Макарий в числе вопросов, предложенных им Московским патриархом и прочими русскими архиереями, решили и следующий вопрос: "Подобает ли еретиков и раскольников наказывать градским законом или только церковным наказанием?" "Ей, подобает наказывать их и градскими казнями", - отвечали патриархи. "На Втором Вселенском Соборе, бывшем в Константинополе при благочестивом царе Феодосии Великом на духоборца Македония, богоносные отцы по извержении и проклятии его последователей, 36 злочестивых епископов, определили наказать их и градским законом. И повелением царя Феодосия их били говяжьими жилами, позорили и, посадив на верблюдов, возили по торжищу, а потом сослали в сирский город Емекин, где они и скончались. На Четвертом Вселенском Соборе, Халкидонском, бывшем при благочестивом царе Маркиане на Диоскора и Евтихия и их последователей, богоносные отцы числом 630 вместе с царем повелели истребить огнем злочестивые книги этих еретиков, а их самих наказывать говяжьими жилами, суковатыми палками и темницами и взять с них на царя по десяти гривен золота. Пятый Вселенский Собор, бывший при благочестивом царе Иустиниане Великом в Константинополе на Оригена и его единомышленников, по извержении и проклятии их повелел вместе с царем наказывать злочестивых и по градскому закону разными томлениями и муками: одним отрезали языки, другим отсекали руки, иным уши и носы и позорили их на торжище, потом сослали в заточение до конца жизни... Много и других подобных примеров записано в церковных историях и в книге Арменопула, чего для краткости не приводим. Из всего этого узнаем, что еретики и раскольники должны быть наказываемы не только церковным наказанием, но и царским, т. е. по градскому закону". Этот ответ патриархов принят был всем Собором и внесен в книгу соборных деяний (гл. 7. Вопросы и ответы 4).

Таким образом, что начал Московский Собор 1666 г. по отношению к расколу, то окончил Большой Московский Собор 1667 г. Первый призывал одного за другим расколоучителей, выслушивал и обличал их учение, убеждал их покаяться и, кто не хотел каяться и покориться Церкви, тех, каждого порознь, предавал анафеме и отсылал под начало или даже в заключение в какой-либо монастырь. Последний Собор произнес общий приговор, общую анафему на всех последователей раскола и постановил по примеру древней Церкви общее правило - подвергать их наказанию не только церковному, но и по градским законам. И нельзя не признать, что эта общая анафема на раскольников была неизбежна и совершенно справедлива. Раскольники еще прежде, до соборной на них анафемы, сами, так сказать, изрекли на себя анафему и отсекали себя от Церкви. Сущность их учения, как уже достаточно открылось из их писаний и словесных заявлений на Соборе 1666 г., состояла не в том только, что они хотели держаться одних старопечатных книг и мнимо старых обрядов и не покорялись Церкви, не принимали от нее

новоисправленных печатных книг, но вместе и в том, что они считали эти последние книги исполненными ересей, самую Церковь называли еретической и утверждали, что Церковь более не Церковь, архиереи ее не архиереи, священники не священники и все ее таинства и чинопоследования осквернены антихристовою скверною; раскольники не только противились Церкви, но совсем отрицали ее, отрицались от нее и по своим убеждениям были уже совершенно отделены от нее. Необходимо было, чтобы и Церковь с своей стороны всенародно объявила, что она не признает их более своими чадами, т. е. чтобы она анафематствовала и отсекала от себя тех, которые еще прежде самовольно отпали от нее и сделались ее врагами. Со времени этой-то анафемы, произнесенной на раскольников Большим Московским Собором, и начал существовать в России раскол как особое общество верующих, именующих себя старообрядцами, совершенно отдельное от православной Церкви и враждебное ей. Не Церковь отвергла их и отвергает, но они сами еще прежде отверглись Церкви и не перестают упорно отвергать ее, называя ее в своем жалком ослеплении духовною блудницею, а всех верных чад ее, всех православных, - сынами беззакония, слугами антихриста.

Кроме раскола, производившего смуты и нестроения в Русской Церкви, немало было в ней и других нестроений и вообще недостатков, требовавших соборного уврачевания. На одни из этих недостатков обратил внимание Восточных патриархов, Паисия и Макария, сам государь; на другие указывали русские архиереи; некоторые же недостатки замечены были самими патриархами. И вследствие этого они вместе со всем Собором постановили для Русской Церкви множество определений и правил, касавшихся: а) ее управления и суда, б) богослужения и в) духовенства.

По отношению к церковному управлению и суду сами патриархи заметили тот недостаток, что в России не соблюдалось древнее апостольское и соборное правило: да собираются дважды или по крайности однажды в лето архиереи каждой страны ради исправления церковных дел. "В здешних странах Великороссийского государства, - сказали патриархи, - не обыкли архиереи собираться часто, и творить Соборы, и исправлять священнические распри и прочее, отчего и учинилось столько раскольников и мятежников, возмущивших все государство, погубивших многие души и прельстивших едва не весь народ. Потому весьма подобает, чтобы архиереи Российского государства как можно чаще собирались в царствующий град Москву ради всяких добрых совещаний и исправления нужных церковных дел" (гл. 2. Правило 41).

Другой важный недостаток в Русской Церкви, способствовавший также распространению в ней раскола, состоял в малочисленности архиерейских кафедр и излишней обширности некоторых из существовавших уже епархий. На этот недостаток указал отцам Собора сам государь и велел предложить им грамоту Московского Собора, бывшего при царе Федоре Ивановиче, об учреждении патриаршества и устройении других архиерейских кафедр в России. Грамота была прочитана. Узнав из нее, что тогда было положено быть в Русской Церкви осьмнадцати епархиям кроме патриаршей, и именно: четырем

митрополиям, шести архиепископиям и осьми епископиям - и назначены самые места для них, отцы Собора с радостью согласились открыть те из этих епархий, которые доселе не были открыты, а некоторые из предположенных тогда епархий, открыты ли они или еще не открыты, возвести из епископий в архиепископии и определили: учредить епископские кафедры в Ржеве Володимирове, на Белеозере и в Дмитрове и архиепископские в Нижнем Новгороде и Великом Устюге, а епископии, уже существовавшие, в Чернигове и Коломне возвести в архиепископии. Затем с соизволения государя или даже по заявленному им желанию возвели на степень митрополий архиепископии: Астраханскую, Рязанскую, Тобольскую - и учредили новую митрополию в Белгороде, куда и назначили митрополитом известного Сербского митрополита Феодосия, проживавшего в Москве при Архангельском соборе; утвердили архиепископство в Пскове и положили учредить архиепископские кафедры в Архангельске и на Холмогорах; утвердили епископскую кафедру в Вятке и благословили учредить такие же кафедры в Перми, Томске и на Лене и вообще благословили поставлять митрополитов, архиепископов и епископов в те города, где по усмотрению государя и Московского патриарха с прочими архиереями признано будет то нужным, "да управляется и расширяется православием в род и род богохранимое Российское царство". Наконец, определили, чтобы в епархиях некоторых митрополитов существовали подручные им епископы, и именно в епархиях: Новгородской - один епископ в Каргополе, другой в Городецке или *Устюжне*, Казанской - в *Уфе*, Ростовской - в Угличе, Крутицкой - в Ливнах, Рязанской - в Воронеже и другой в Тамбове - и чтобы эти епископы жили в назначенных им городах и монастырях, владели вотчинами тех монастырей и все творили по благословиению и повелению своих митрополитов, а без воли их ничего не творили, кроме священнодействия, хиротонии и прочего, что дозволяют святые правила. Постановление это утверждено подписями отцов Собора в июне 1667 г. (гл. 8).

Были еще два весьма важные недостатка в нашем церковном управлении и суде. Первый состоял в том, что как у патриарха в его приказах, так и у прочих архиереев все епархиальные дела ведали и решали преимущественно, если не исключительно, архиерейские бояре и другие светские чиновники. Такой обычай, утвердившийся у нас еще до Стоглавого Собора, оставался в силе и после него, хотя Стоглавый Собор и постановил, чтобы при каждой архиерейской кафедре существовал суд из духовных лиц кроме суда боярского, которому назначен был особый круг дел. Против этого глубоко укоренившегося у нас недостатка отцы Большого Московского Собора определили: "В патриаршем доме быть духовному человеку, архимандриту, с другими искусными мужами, и судить им в духовных делах духовные лица священнического и монашеского чина, да не привлекают отныне священников и монахов в мирские судилища и да не судят мирские люди освященного и монашеского чина и всякого церковного причта, как запрещают св. правила... Равно и во всех архиерейских домах быть духовным искуснейшим мужам и судить духовные лица и духовные дела, как в патриаршем доме судит духовный судья, архимандрит, с клеветами, да судят архимандритов, игуменов, монахов, протопопов, попов, дьяконов и всех церковных причетников и инокинь во

всяких делах, а мирян да судят по делам о незаконных браках и духовных завещаниях. Прочие же духовные дела, какие бывают между мирскими людьми мужского и женского пола, да судят патриарший боярин с дьяками и его товарищи" (гл. 2. Правило 37 - 39). Другой недостаток был тот, что все духовенство, начиная с митрополитов, во всех исковых делах судилось по Уложению царя Алексея Михайловича мирскими людьми в Монастырском приказе. Русские архиереи, крайне тяготившиеся таким подчинением мирскому судилищу, не могли не обратить на это внимания Восточных патриархов и в числе других вопросов предложили им и следующий: "Довлеет ли мирским людям судить архиереев, архимандритов, игуменов, священников и дьяконов, монахов и инокинь и весь церковный и духовный чин и их людей?" Патриархи Паисий и Макарий дали ответ: "Архиереев, архимандритов... и весь церковный чин и их людей мирским людям ни в чем не судить, а судить их во всяких делах архиереям, каждому в своей епархии, или кому повелят от духовного чина, а не от мирских" (гл. 7). Этот ответ был принят и утвержден всем Собором и послужил основанием к упразднению Монастырского приказа, который, впрочем, в действительности упразднен был, как увидим, еще не так скоро.

Относительно богослужения и его принадлежностей правила, данные на Большом Московском Соборе, весьма разнообразны. Между ними находятся:

Правила касательно Божественной литургии. Патриархи Паисий и Макарий рассмотрели соборно и свидетельствовали весь "чин архиерейского совершения литургии на Востоке", написанный в 1653 г. по-гречески бывшим Цареградским патриархом Афанасием Пателарием для патриарха Никона и тогда же переведенный на славянский язык. Этот чин по освидетельствовании его в новом славянском переводе, целиком внесенный в книгу соборных деяний (гл. 5), а в следующем году и напечатанный в Москве, преподан был патриархами как бы в правило и руководство русским архиереям при совершении ими литургии. Вместе с тем патриархи, указывая на некоторые частные отступления, какие допускаемы были в России при совершении литургии, соборно постановили: а) на одной литургии не хиротонисать по три, по пяти, по десяти и более дьяконов и попов, как поступали некоторые архиереи (в Малой и Великой России), а хиротонисать только одного дьякона, и одного пресвитера, и одного епископа, как держит чин и предание от святых отцов святая Восточная Церковь; б) на горнем месте во время чтения Апостола за литургией не садиться ни священнику в своей церкви, ни настоятелю в своем монастыре, ибо место то есть седалище местного епархиального архиерея, почему и архиерею, даже патриарху, в чужой епархии не садиться на горнем месте ни в какой церкви; в) если случится двум или трем патриархам или другим архиереям совершать вместе литургию, то местный архиерей не садится на горнем месте, но ради братской любви и равночестия садится наравне с прочими архиереями в креслах; г) за литургией ни архиерей архиерея, ни священник священника, ни архимандрит архимандрита не причащают, но только патриарх причащает архиереев и митрополит своих епископов, а архимандрит священников своей обители; причащаться архиереям, священникам и дьяконам из святого потира по трижды, а мирян причащать

лжицею по единожды; д) во время великого входа при перенесении Святых Даров не следует брать потир левою рукою, как делают священники в России вопреки устава (гл. 2. Правило 1 - 5); е) изволением благочестивых царей в России некоторые архимандриты совершают литургию по-архиерейски, осеняют свечами и носят митры, чего нет в святой Восточной Церкви, и мы хотя ради прошения великого государя не возбраняем этого, но только подобает, чтобы архимандрит не совершал литургии по-архиерейски и не благословлял со свечами, если за литургией будет находиться архиерей (гл. 2. Правило 11); ж) в некоторых монастырях и церквах по самочинному обычаю погашают за литургией свечи после херувимской песни, а иные и после "Достойно есть", чего не должно быть, а погашать свечи в конце литургии, по заамвонной молитве (правило 35); з) если служит литургию архиерей, то проскомидию совершать одному священнику, а не всем приглашенным к священнослужению (гл. 7).

Правила касательно некоторых других таинств и чинов церковных, в особенности касательно чина принятия латинян в православную Церковь. Патриархи с Собором постановили: а) при священнодействии крещения читать молитвы и править всю службу должен сам священник, а не поручать того дьякону или причетнику, как делают некоторые, и б) в начале этого священнодействия не погружать свечей в купель по суемудрию, а ставить только вокруг купели три свечи на свещниках, чтобы они горели до самого окончания священнодействия (гл. 2. Правило 8, 9); в) пред совершением брака, когда жених и невеста идут из дома в церковь, священник не должен ехать впереди их верхом на коне в епитрахили с крестом в руках, а безумные люди не должны производить нелепые и бесстыдные козлогласования и другие бесчиния, как было в обычае (правило 19, 20); г) освящать церковь по чину и уставу не подобает никому, кроме архиерея, но по нужде он может поручать освящение церкви архимандриту, игумену, протопопу и священнику, только предварительно должен сам освятить антиминс для той церкви (гл. 5); д) при освящении воды в день Богоявления и 1 августа никто не должен погружать свечей в воду прежде погружения честного креста - это бесчиние и противно уставу святой Восточной Церкви, а после погружения креста, когда вода будет уже освящена, желающие могут погружать и свечи и другие вещи для освящения их (гл. 2. Правило 10); е) не дьякону следует кропить святою водою народ и в домах, а священнику, который и освящает ее (гл. 2. Правило 6); ж) в день Пятидесятницы коленопреклонные молитвы читать, обратиться на запад к народу, хотя иные читают и обратиться на восток (гл. 7. Ответ 1); з) когда провожают умершего из дому в церковь, архиерею и священникам ходить впереди гроба, а прочим людям позади гроба; прилично также носить впереди гроба великий крест (гл. 2. Правило 33). Чин принятия латинян в православную Церковь был теперь совершенно изменен. Известно, что по соборному уложению патриарха Филарета Никитича у нас перекрещивали латинян. И хотя при патриархе Никоне по настоянию бывшего тогда в Москве Антиохийского патриарха Макария два раза определяли на Соборах, чтобы впредь латинян не крестить, но укоренившийся обычай перекрещивания оставался еще в силе. Потому царь Алексей Михайлович предложил Большому Собору вновь

обсудить и решить этот вопрос. Отцы Собора сначала внимательно рассмотрели уложение патриарха Филарета Никитича и пришли к заключению, что приведенные там правила истолкованы и применены к латинянам неверно. Потом привели другие соборные правила, по которым запрещено было перекрещивать даже ариан и македо-ниан в случае обращения их к православию, а тем более, говорили отцы, не должно перекрещивать латинян; сослались на Собор четырех Восточных патриархов, бывший в 1484 г. в Константинополе, и определивший не перекрещивать латинян при обращении их к православию, а только помазывать их святым миром, и даже составивший самый чин принятия их в Церковь; сослались на премудрого Марка Ефесского, который в своем окружном послании ко всем православным преподает то же самое учение, и постановили: "Не должно перекрещивать латинян, но только после проклятия ими своих ересей и по исповедании согрешений помазывать их святым миром и сподоблять Св. Пречистых Тайн и таким образом приобщать их св. соборной Восточной Церкви по свящ. правилам" (гл. 6).

Правила касательно святых церквей, праздников и икон: а) в церкви прилично и потребно быть амвону, впрочем, всех к тому не принуждаем (гл. 2. Правило 13); б) в алтаре церкви не подобает быть зеркалам, и смотреть в них в алтаре не подобает священникам, дьяконам и прочим причетникам, равно как и расчесывать свои власы в алтаре и церкви (правило 18); в) продавать святые церкви и церковные места, как вотчины, и корчемствовать ими нелепо, и прихожане церквей в Москве должны выкупить их, да будут находиться под властью только Московского патриарха (правило 30); г) всем православным всякого чина и возраста стоять в церкви во время службы Божией, особенно литургии, с молчанием и страхом Божиим и с умилением и сокрушенным сердцем молить Бога втайне о своем спасении, а не беседовать о суетном попечении (правило 31); д) в воскресные дни и праздники, Господские и Богородичные, не работать никаких работ и ничем не торговать, кроме съестных припасов, а также в приказах не творить судов и никаких дел, кроме нужных царских дел (правило 7); е) да прекратится неблаголепный обычай, по которому прихожане приносили в церкви свои домашние иконы, ставили их, где хотели, и каждый только пред своею иконою возжигал свечи и молился, пренебрегая местными иконами в иконостасе, причем один обращался в одну сторону, другой в другую, и тем производили в церкви большое бесчиние и смятение, а когда хотели, опять уносили эти иконы из церквей в дома (правило 36); ж) над иконописцами быть старосте, художнику искусному, и дозировать, чтобы не ругались, невежды, над святыми иконами своим нелепым письмом и суемудрием, да не пишут впредь образ Господа Саваофа в нелепых и неприличных видениях, да престанут писать ложное сложение перстов у Христа Спасителя, Богородицы и всех святых на прельщение невежд, но да пишут только Самого Христа и святителей с благословляющею рукою, а мучеников и всех святых - в виде молящихся, лишь с простертыми руками (правило 43); з) нелепо и неприлично писать на иконах Бога Отца с седою бороною, а во чреве его едиnorodного Сына и между Ними голубя: Бог Отец не имеет плоти, а Сын не по плоти родился от Отца прежде век, и Дух Святой по существу не есть голубь, но только явился в виде голубя при Крещении Христовом (44); и) не

должно писать на иконах Благовещения, как пишут, будто Господь Саваоф от уст Своих дышит и то дыхание идет во чрево Пресвятой Богородицы, - да престанет отныне такое суемудрое писание (правило 45); и) в церквах на деисусе прилично вместо Саваофа ставить крест или распятие Господа Иисуса, как обычно на Востоке и в Киеве (правило 46); к) святителей Петра, Алексия и Иону, Московских чудотворцев, иконописцы несправедливо пишут в белых клобуках: белый клобук прислан патриархом Филофеем Новгородскому архиепископу Василию и с того времени был носим только Новгородскими владыками, а после Геннадия приняли такой обычай и начали носить белый клобук и Московские митрополиты (правило 47).

Правила Большого Собора относительно духовенства: одни касаются белого духовенства, другие монашествующего, третьи того и другого.

Правила первого рода: а) священникам и дьяконам по древнему русскому обычаю подобает носить скуфьи, подаваемые им от архиерея по хиротонии, как носят священнослужители своеобразные шапки и на Востоке, никогда их не снимая: глава священника и дьякона освящена от святой трапезы и чрез архиерейские руки в хиротонии и потому всегда должна быть покрыта ради чести священства (гл. 5); б) священники и дьяконы не должны переходить от церкви к церкви без архиерейского благословения, иначе лишаются священства (гл. 7); в) должны учить детей своих грамоте и страху Божию и всякому благочинию, чтобы эти дети могли сделаться достойными священства и наследниками своих отцов по Церкви и священству (гл. 2. Правило 29); г) когда по челобитью вотчинника или помещика в попы или дьяконы будет поставлен его крестьянин, то дети последнего, рожденные до принятия им священства, должны оставаться в крестьянстве, а рожденные после должны быть свободными (гл. 7); д) когда такие священники или дьяконы самовольно оставят церковь, к которой по просьбе помещика рукоположены, и перейдут к другой, то их возвращать к прежней церкви, если там есть чем им прожить и питаться с своими семействами (гл. 7); е) всякий священник должен учить в своем приходе, чтобы не ели удавленины и не купались нагими без всякого стыда пред мужчинами и женщинами (гл. 2. Правило 15, 16); ж) если священник или дьякон, овдовев, женятся вторым браком, то лишаются священства, но могут петь в церкви на клиросе, чтобы питаться от церкви, а если способны, то и поступать на царскую службу, кроме военной (гл. 7. Ответ 3); з) дьякон не должен садиться выше священника, разве только будет представлять лицо своего архиерея по уполномоченности от него; равно и протодиакон соборной церкви ради чести ее может садиться выше несановитых сельских священников (гл. 2. Правило 40). Наконец, Собор занялся и вопросом о вдовых попах и дьяконах, которым доселе в России запрещалось священнослужение, и сначала высказал мысль, что это постановлено было хотя несогласно с правилами, но "добре", по умножению бесчиния от вдовых попов и дьяконов и "опасства ради"; потом привел несколько правил, свидетельствующих, что в древней Церкви не подвергались запрещению вдовствующие священнослужители, и определил: "Отныне вдовые попы и дьяконы, если не зазирает их совесть в чем-либо, возбраняющем священство, невозбранно да служат, а если кто из них будет

обличен в таких делах, которые возбраняют священнодействовать, то по надлежащем расследовании виновный да отлучится от священнодействия или да извержется" (гл. 9).

Правила второго рода, т. е. касающиеся монашества: а) все русские монашествующие, в том числе и архиереи, да носят такие же камилавки и клобуки, какие носят архиереи и монахи святой Восточной Церкви, чтобы между теми и другими было согласие во всем, даже в одеянии; у всех клобуки должны быть черные, только митрополитам русским дозволяется носить клобуки белые ради древнего обычая, а не ради лживого писания Димитрия толмача из Рима к Новгородскому архиепископу Геннадию, которое не заслуживает никакой веры (гл. 2. Правило 14, 21); б) в монашество никого не постригать без правильного искуса, который должен продолжаться три года, а по нужде полтора (гл. 2. О монашеском чине. Правило 2); в) мужей без согласия их жен и жен без согласия их мужей не постригать (правило 3); г) в монастырях брать вклады от монахов и монахинь не подобает (правило 6); д) не должны монахи и монахини переходить из монастыря, в котором постриглись, в другой монастырь и скитаться там и сям на соблазн миру, иначе их следует подвергать епитимиям по правилам (правило 1, 4 - 7); е) иеромонахам и иеродиаконам без благословения архиерейского из монастыря в монастырь не переходить и в мирских домах в иноки и инокини даже болящих не постригать, но только в монастырях (гл. 7); ж) настоятели должны смотреть накрепко, чтоб иноки не упивались, а русского вина совсем в монастырях не было (гл. 7); з) повелеваем, чтобы отныне отнюдь не имели веры к этим лицемерам, которые живут среди городов и сел по образу отшельников и затворников и, отпустив волосы, носят монашеские свитки, иные же и железные вериги или ходят нагие и босые тщеславия ради, на прелесть людям простым и невеждам, да восприимут славу от народа и да почитают их святыми: истинные подвижники трудились в пустынях и никому не показывали своих вериг и подвигов (гл. 2. О монашеском чине. Правило 11).

Правила третьего рода, т. е. касающиеся белого и монашествующего духовенства: а) благословляем, чтобы все священнослужители и все монахи носили такое же одеяние в России, какое носят на Востоке, впрочем, не принуждаем к тому, а пусть только не желающий носить этого одеяния не укоряет носящих (гл. 2. Правило 17); б) если крестьяне, убежав от своего помещика, будут поставлены в попы и дьяконы или пострижены в монашество, в таком случае по требованию помещика и по надлежащем расследовании должны быть лишены сана и монашества и возвращаемы в крестьянство (гл. 7); в) попов и иеромонахов, которые, бегая из епархии в епархию, венчают там незаконные браки или постригают в монашество, лишают священства (гл. 7); г) никто из лиц священного и монашеского чина не должен вдаваться в мирские дела, заниматься торговлею, держать лавки, корчемницы, постоянные дворы и иметь всякие другие промыслы - с виновным поступать по правилам (гл. 2. О монашеском чине. Правило 9, 10; гл. 4. Ответ 4); д) лица священного и монашеского чина, виновные в татьбах, разбоях и подобных преступлениях, да

накажутся сначала по священным правилам от архиерея, а потом подлежат градскому суду и наказанию (гл. 4. Ответ 2,3).

Очевидно, что почти все правила, постановленные на Большом Московском Соборе, отнюдь не новые правила, а древние или основанные на древних и только примененные к потребностям Русской Церкви. Одни из этих правил - большая часть - направлены против существовавших у нас недостатков и к устранению или искоренению их; другие даны с целью привести Русскую Церковь в полное согласие с Восточною православною во всем, даже в маловажных обрядах и самых одеждах. Некоторые правила, каковы: об открытии в России новых епархий, о неподсудности духовенства мирским судам, о неперекрещивании латинян при обращении их к православию, о незапрещении священнодействовать и вдовым священникам - имели весьма важное значение.